

МАРИНА ЦВЕТАЕВА БАШНЯ В ПЛЮЩЕ

Марина Ивановна Цветаева
Башня в плюще
Серия «Автобиографическая проза»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=175887

Марина Цветаева. Проза: Эксмо-Пресс; Москва;

ISBN 5-04-008397-1, 5-04-008265-7

Аннотация

«Вся моя проза – автобиографическая», – писала Цветаева. И еще: «Поэт в прозе – царь, наконец снявший пурпур, соблаговоливший (или вынужденный) предстать среди нас – человеком». Написанное М.Цветаевой в прозе отмечено печатью лирического переживания большого поэта.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

Марина Цветаева

Башня в плюще

Недавно, раскрыв одну из рильковских “Элегий”, читаю: “Посвящается княгине Турн-унд-Таксис”. Турн-унд-Таксис? Что-то знакомое! Только *то* было: Тур. Ах, знаю: башня в плюще!

* * *

– Russenkinder, ihr habt Besuch! (“Маленькие русские, к вам пришли!”) Это истопница Мария влетела в пустой класс, где мы, сестра Ася и я, единственные оставшиеся в пансионе пансионерки, равнодушно перевортываем листы наших хрестоматий в ожидании завтрашней, ничего не обещающей, Пасхи.

– Господин, – продолжает Мария.

– Какой?

– Как все. Настоящий господин.

– Молодой или старый?

– Я же вам говорю: как все. Не молодой и не старый, как надо. Идите скорей, только, фрейлейн Ассиа, уберите волосы со лба, а то у вас глаз не видно, как у крысоловки.

“Зеленая комната”, заветная, начальница, она же приемная. Навстречу нам, с зеленого кресла – знакомый, неузна-

ваемый, всегда беспиджачный, а сейчас даже в крутом воротнике, всегда с пивным подносом в руках, а сейчас со шляпой и тростью, такой дикий в соседстве с начальницей, на фоне этих зеленых занавесей – хозяин “Ангела”, Engelswirth, владелец нашей чудной деревенской гостиницы, отец наших летних друзей Карла и Марилэ.

– Господин Майер так любезен, что приглашает вас завтра к себе, в свою семью, на целый день. Он заедет за вами в шесть часов тридцать минут утра и доставит вас сюда в тот же час вечера. Если будет благоприятствовать погода. Разрешение мною уже дано. Благодарите господина Майера.

Остолбнев от счастья и от священности места, робко, – я, почему-то, басом, а Ася писком, – благодарим. Молчание. Герр Майер, не менее нас подавленный священностью места, а может быть, и сдавленный несвойственным воротником, глядит себе на ноги, действительно неузнаваемые в новых башмаках.

Мне почему-то кажется, что ему страшно хочется нам подмигнуть. Никто не садится. Выходя, Ася все-таки догадывается и осмеливается осведомиться: вырос ли Карл и куда теперь отцу.

* * *

Пустой дортуар. Мария только что привернула лампу. Завтра! Под вьками – сначала круто восходящее шоссе, по-

том, с которого-то поворота, более знаемый, чем видимый, вросший в свою двойную ивовую оправу, любимый, холодный, ундинин полупоток, полуручей Борербах, в который нам, из-за ледяной его воды, всегда запрещали входить и в котором мы, однажды, целиком, в платье... А дальше – распятие на повороте, а дальше с шоссе влево, а дальше – уже совсем близка – из-за сливовой и яблонной зелени, сначала гастхауз¹, а потом и сам Ангел, толстый, с крыльями, говорят – очень старый, но по виду совсем молодой, куда моложе нас! – совсем трехлетний, круглый любимый ангел над входом в дом, из которого нам навстречу фрау Виртин, а главное – Марилэ и Карл, главное, для меня, – Марилэ, для Аси – Карл.

– Завтра! – В шесть часов тридцать минут. – Если будет хорошая погода.

* * *

Первый взгляд – в окно. Собственно, два первых взгляда – окно и на часы. Застегиваю на Асе шесть наспинных пуговиц ее лифчика. Но как же с платьями? В будничном нельзя – Пасха, а в праздничном – ни на дерево, ни под дерево.

– Я, как приеду, переоденусь в старое Марилино.

– А я? (Ася, обиженно.) Мне Марилино будет до полу!

---

¹ Гостиница (нем.).

– А ты – в Карловы панталоны! (И, видя, что она уже плачет:) А ты в Марилину кофточку, она тебе как раз будет до колен. А рукава завернем!

Звонок к завтраку – для нас одних. Начальницы спят. Завтракаем одни с Марией. Завтрак, как всегда, овсяный кофе без сахара (который весь пансион целиком, “добровольно” и раз навсегда, кажется, в день своего основания, уступил “бедным детям”) и хлеб без масла, но зато с каким-то красным тошным растительным клеем, который ест без отвращения и, когда удаётся, за всех, то есть слизывает у всех, только вечно голодная, несчастная, всеядная, на редкость прожорливая бразилианка Анита Яутц.

– Ах, фрейлейн Ассиа, вы опять заклеили всю клеенку! Давайте я за вас доем, а то только четверть часа осталось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.